

Хронотопическая организация романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и «Повести о жизни» К. Г. Паустовского

Ю. В. Курбатова

(Белгородский государственный университет)*

Статья представляет собой исследование, в котором сопоставляются хронотопы в автобиографических произведениях двух писателей-современников. В статье осуществляются наблюдения над пространственно-временным видением писателей, указывается на типологические «схождения» в художественном сознании двух беллетристов. Приведенный анализ особенно ценен при сравнении писателей, объединенных одной исторической эпохой и близких по этико-философским и социально-нравственным убеждениям.

Ключевые слова: хронотопическая организация, экзистенциальный хронотоп, хронотоп памяти.

Chronotopical Organization of Novel «Arseniev`s Life» by I. A. Bunin and «Story of a Life» by K. G. Paustovsky

J. V. Kurbatova

(Belgorod State University)

Abstract: The article represents a research, in which chronotops in the autobiographies of the two writers-contemporaries are compared. The article includes the observations about the time and space visions of the writers, the indication on typological «similarity» in the artistic consciousness of the two novelists. The analysis is especially important when the writers united by the same historical epoch and similar in their ethic and philosophical as well as social and moral convictions are collated.

Keywords: chronotopical organization, existential chronotop, chronotope of memory.

«Жизнь Арсеньева» И. Бунина и «Повесть о жизни» К. Паустовского занимают особое место в ряду произведений обоих писателей. Этими художественными полотнами писатели подводили некий итог своей творческой жизни, оба считали их самыми значительными из всего написанного. Специфику этих произведений составляет прежде всего предмет изображения в них — это жизнь души, формирование сознания художника. И в романе Бунина, и в повести Паустовского мы наблюдаем теснейшую взаимосвязь пространственных и временных отношений, благодаря которым читатель видит целостную картину взросления героя. С этой точки зрения представляется интересным изучение хронотопической организации романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и «Повести о жизни» К. Г. Паустовского.

Следуя мысли Бахтина (Бахтин, 1975: 235), в пределах одного произведения возможно

выделение множества хронотопов, один из которых, как правило, является всеобъемлющим или доминантным и включает в себя остальные. В романе Бунина «Жизнь Арсеньева» и в «Повести о жизни» Паустовского в качестве доминантного можно выделить **экзистенциальный хронотоп**, т. е. хронотоп человеческого существования. В романе Бунина он охватывает период от первой вспышки сознания героя до времени отчуждения и потери любимой женщины (Лики). В повести Паустовского экзистенциальный хронотоп наблюдается от раннего детства Кости до осознания себя как состоявшегося художника. Внутри экзистенциального хронотопа можно выделить ряд других.

Если говорить о начале романа Бунина «Жизнь Арсеньева», то пространство читатель воспринимает через сознание ребенка, посредством его мироощущения. В то же время картина мира, передаваемая глазами ребенка, обус-

* Курбатова Юлия Владимировна — аспирантка кафедры русской литературы XX века Белгородского государственного университета. Тел.: (4722) 30-18-21, 30-18-20. Эл. адрес: Julia-sash@mail.ru

лавливается не только окружающей действительностью, но и возрастом ее воспринимающего, например младенчеством. С момента первого проблеска сознания, наступление которого, по мысли Бунина, непостижимо и необъяснимо, начинается жизнь души, которой предстоит узнать, понять и осмыслить явления бытия, но которая сейчас ничего не помнит и не знает. Первое упоминание о сознании ребенка и связанные с ним размышления обусловлены таким явлением человеческого разума, как память: «Самое первое *воспоминание* мое есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение. Я *помню* большую, освещенную предосенним солнцем комнату <...> впервые вспыхнуло мое сознание столь ярко, что уже явилась возможность действия *памяти* <...> Младенчество свое я *вспоминаю* с печалью» (Выделено мною. — Ю. К.) (Бунин, 1966: 9). Все дальнейшие события жизни главного героя показаны в двойном видении: глазами очевидца-участника и через призму памяти рассказчика. Таким образом, можно выделить один из важнейших хронотопов этого произведения — **хронотоп памяти**, представляющий собой внутреннюю пространственно-временную организацию текста, в которой развиваются события. Этот же хронотоп можно выделить и в «Повести о жизни» Паустовского.

Почти все начальные главы «Повести о жизни» начинаются с объекта или события, вызвавшего в сознании автора череду воспоминаний об определенном отрезке своей жизни: «Сейчас, задержавшись в Городище после смерти отца, я *вспомнил* раннее свое детство, то время, когда мы, веселые и счастливые, приезжали сюда на лето из Киева» (глава «Караси») (Паустовский, 1982а: 21); «Грозы в Городище бывали часто. <...> С этими грозами связано *воспоминание* о моей первой детской любви» (глава «Плеврит») (Паустовский, 1982а: 25) (Курсив мой — Ю. К.). Следует отметить, что герои Бунина и Паустовского наделены не обычным свойством человеческого сознания — памятью, а особенной его формой — чувственной. Эта особенность личности позволяет Арсеньеву и Паустовскому-герою не просто реконструировать свои прежние ощущение,

состояния, мысли и чувства, а переживать их заново. Таким образом, через хронотоп памяти все абстрактные элементы произведений Бунина и Паустовского — философские и социально-обобщенные идеи, образы, события, их анализ и т. п. — «приобщаются художественной образности», по выражению М. М. Бахтина.

В начале романа «Жизнь Арсеньева» первый проблеск сознания фиксирует окружающее его пространство, которое ограничено пределами комнаты. Затем оно постепенно расширяется: «Солнце уже за домом, за садом, пустой, широкий двор в тени» (Бунин, 1966: 10), наполняется звуками природы: «Только порой загудит, угрюмо зажужжит запутавшийся в колосьях хлебный рыжий жучок» (там же). Однако умиротворенная тишина рождает в душе ребенка чувство одиночества, печали. Причина прежде всего в том, что перед нами не просто зарождающееся человеческое сознание, а сознание художника. Его чувственный мир значительно глубже, тоньше. Размышляя о грусти жаворонков и сурков в полях, автор замечает: «Нет, они <...> ничему не дивятся, не чувствуют той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем ее, не знают ни зова пространств, ни бега времени. *А я уже и тогда знал все это*» (Бунин, 1966: 9) (Выделено мною. — Ю. К.). Рождающаяся душа будущего художника ощущает свою сопричастность космическому бытию: осознает себя песчинкой в огромном пространстве и незначительным моментом в течении исторического времени. Таким образом, можно говорить о **хронотопе художественного самосознания**. Это период, когда происходит накопление сведений об окружающем мире посредством слияния временных факторов и их связи с действительностью. Обогащение внутреннего мира будущего художника происходит через определенные временные этапы, каждый из которых является очередной ступенью в познании бытия. Постепенно в сознании ребенка представления о сосуществовании в мире добра и зла, жизни и смерти, радости и горя складываются в свое понимание Бога.

Следующим этапом в становлении личности героя становится период относительно самостоятельной жизни в новой обстановке уездного города. Происходит **развитие творческого самосознания**. Пространственные и временные картины жизни сконцентрированы вокруг формирования сознания Алеши, который начинает ощущать себя творчески одаренной личностью: «Я быстро рос душевно и телесно. Я жил теперь уже не одними чувствами, приобрел некоторое господство над ними, стал разбираться в том, что я вижу и воспринимаю, стал смотреть на окружающее и на переживаемое мной до известной степени сверху вниз» (Бунин, 1966: 79); «Мое призвание к «поэзии души и жизни», уже ясно определившееся в ту пору» (Бунин, 1966: 94). Все происходящие в романе события показаны не в объективном смысле, а прежде всего в том, какую меру воздействия они оказали на формирование мировоззрения Арсеньева.

В романе Бунина можно выделить еще ряд хронотопов, которые могут быть отмечены и в «Повести о жизни» Паустовского.

Так, например, **хронотоп дома**. В сознании главных героев — художников это понятие связано прежде всего с осмыслением себя в кругу членов семьи (наиболее ярко проявляется в детстве), а также с ощущением себя в цепи поколений. И Ив. Бунин в начале своего романа, и К. Паустовский в начале своего эпоса говорят о своем роде: «О роде Арсеньевых, о его происхождении мне почти ничего не известно» (Бунин, 1966: 7) (Ив. Бунин «Жизнь Арсеньева»); «Универсал» и печать остались у нас в семье от гетмана Сагайдачного, нашего отдаленного предка. Отец посмеивался над своим «гетманским происхождением» (Паустовский, 1982а: 21) (К. Паустовский «Повесть о жизни»). До определенного момента каждый жизненный этап знаменуется непрямым возвращением в родной дом: «Через год вышел на свободу и я, — бросил гимназию и тоже возвратился под родительский кров, чтобы встретить там дни, несомненно, самые удивительные из всех пережитых мной» (Бунин, 1966: 92) (Ив. Бунин «Жизнь Арсеньева»); «гораздо позже я понял, что жизнь по непонятной причине от-

няла тогда у меня то, что могло бы быть счастьем. <...> Всю дорогу до Киева дождь хлестал по вагонным окнам. Дома моего приезда как будто не заметили» (Паустовский, 1982а: 139) (К. Паустовский «Повесть о жизни»). Здесь герои чувствуют себя защищенными от проявлений окружающего мира. Однако постепенно дом-семья распадается на составляющие части, происходит его утрата: «Отец говорил матери: «Разлетается, душа моя, наше гнездо!» (Бунин, 1966: 147) (Ив. Бунин «Жизнь Арсеньева»); «Смерть отца порвала первую нить, которая связывала меня с семьей. А потом начали рваться и все остальные нити» (Паустовский, 1982а: 191) (К. Паустовский «Повесть о жизни»). Потеряв дом, герои всю жизнь стремятся обрести такой же покой, какой испытывали в семье, остро чувствуя свое одиночество, они ищут утешения в любви, надеясь через нее прийти к внутренней гармонии, умиротворенному спокойствию. При этом создание своей семьи не оговаривается. В «Жизни Арсеньева» мысль о создании своего дома с Ликой, вероятность брака вызывает у Алексея недоумение: «Неужели и впрямь мы сошлись навсегда и так вот и будем жить до самой старости, будем, как все, иметь дом, детей? Последнее — дети, дом — представлялось мне особенно нестерпимым» (Бунин, 1966: 268).

В «Повести о жизни» молодой писатель приходит к выводу о противоестественности одиночества, он стремится к любви, но не к браку: «Тоска была давняя, прочная. Происходила она от затаянного одиночества <...> жизнь не по моей вине складывалась так, что <...> не было дано лишь одного: родственных, любимых и любящих людей» (Паустовский, 1982b: 274). Таким образом, хронотоп «дом» возникает в момент зарождения самосознания героя, затем наполняется особым смыслом и функциями (гармонией, защитой от бед и невзгод); постепенно он утрачивается, а затем уже зрелое сознание героев ищет в любви те ощущения, которые порождались домом.

Связующим звеном между периодами в развитии сознания главного героя становится **хронотоп дороги**. Специфику этого хронотопа составляет его трехмерная структура: идет

из прошлого, проходит через дом, устремлен в будущее. Дорога чаще всего связана с изменениями в сознании, взрослении героя: выехал из дома мальчиком, отроком, вернулся юношей, мужчиной. Именно на Чернавской дороге приходит к Алеше понимание того, что он — русский: «Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России» (Бунин, 1966: 57). В гимназию Алеша приехал, уже имея национальное самосознание. Поэтому он связывает гордость, отмеченную им в мещанине Ростовцеве, с Россией, русским национальным характером. Дорога соединена в сознании человека с мотивом путешествий, поиском новых пространств. В «Повести о жизни» этот мотив проходит через все произведение. Дорога здесь обогащает внутренний мир Кости Паустовского, ведет его не только к новым пространствам, людям, но и к этапам жизненного пути. Например, в главе «По разбитым дорогам» происходит встреча главного героя со своим австрийским двойником. Они дружелюбно машут друг другу руками, окружающие считают, что у обоих «близнецов» общие украинские корни — так проводятся мысли о родстве людей на Земле и о противоестественности войны. Затем, уже находясь в дороге, К. Паустовский-герой размышляет: «И, как всегда, когда у меня кончалась одна полоса жизни и подходила другая, в сердце начинала забираться тоска» (Паустовский, 1982а: 370). Таким образом, хронотоп дороги является связующим звеном между этапами жизненного пути героев и знаменует собой переход от одной ступени развития самосознания к следующей.

В «Повести о жизни» Паустовского мы выделяем еще один хронотоп, присущий только данному произведению: это **хронотоп творческой работы**. Если в романе Бунина лишь сообщается о начале написания какого-либо произведения или о конечном результате — публикации работы и получении гонорара, но процесс, история создания скрыты от читателя, то в «Повести о жизни» процесс творчества показан в динамике, открыто, полностью. Вся жизнь Константина Паустовского предстает как этапы творческого пути: осознание

своего литературного предназначения, подчинение своего существования накоплению опыта для успешного писательства и, наконец, процесс создания самих художественных произведений. Пространство здесь расширяется до пределов жизненного, уплотняется за счет восприятия окружающей действительности через призму творческого сознания, подбора материала для будущих произведений. Временные рамки здесь очень подвижны. Во-первых, здесь возникает так называемая «историческая инверсия» (термин Бахтина) — выстраивание событий не в хронологической последовательности, а соответственно раскрытию творческого замысла; во-вторых, находясь в процессе работы над текстом, художник как бы «выпадает» из реального времени, становясь заложником описываемого. Таким образом, можно сказать, что хронотоп творческой работы составляет одну из специфических особенностей автобиографического произведения Паустовского.

Итак, анализируя хронотопы в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и «Повести о жизни» К. Г. Паустовского, мы пришли к следующим выводам. В центре обоих автобиографических произведений стоит формирующаяся творческая личность. В обоих произведениях выделяется доминантный экзистенциальный хронотоп, которому подчинены остальные. При этом можно указать на такие хронотопы, как память, дом, дорога, которые проходят через оба анализируемые произведения, что позволяет говорить о родственных способах организации текста в романе Бунина и повести Паустовского. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о близких творческих принципах у Ив. Бунина и К. Паустовского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит.
- Бунин, И. А. (1966) Собр. соч. : в 9 т. Т. VI. М.: Худож. лит.
- Паустовский, К. Г. (1982а) Собр. соч. : в 9 т. Т. IV. М.: Худож. лит.
- Паустовский, К. Г. (1982b) Собр. соч. : в 9 т. Т. V. М.: Худож. лит.